

Космополитизм – компонент “мягкой силы” и глобального управления

Владимир Капицын

Космополитизм и “*soft power*”: подходы к исследованию

Космополитизм в современных условиях связан с глобализацией и вестернизированной модернизацией и выступает как действующая “поверх” государственных границ идентификация, противоречиво воспринимаемая в мире: принятие западных ценностей большинством населения Восточной Европы, и, наоборот, сопротивление им в ряде незападных обществ.

В статье используются понятия, отражающие виды не силового влияния глобальных акторов: “космополитическая идентификация”, “мягкая сила” (“*soft power*”), “глобальное управление идентификациями”, “конфигурации субъектностей”. Природа космополитизма недостаточно изучена, хотя идентификационные процессы как фактор международной политики и общественной жизни учитываются исследователями и политиками¹.

Б.Обама, выступая в Каирском университете во время первого турне на Ближний Восток (2009 г.), напомнил, что носит второе имя Хусейн. Такой акцент необычен для Президентов США, но политически оправдан. Образ США в глазах жителей Ближнего Востока в годы правления Дж. Буша-младшего “потускнел” больше, чем в других регионах.

В понятии “космополитическая идентификация” можно выделить такие значения:

1. “Номадическое”, в частности у профессионалов, то есть космополитизм в чистом виде, “новое кочевничество”, “растворение” гражданства в некой транснациональности;

2. Имперско-универсалистское (“неоимперский глобализм”) – ориентация на государство, задающее тон глобализации, образцы сильной политики и кровительства более слабым странам;

КАПИЦЫН Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова.

Ключевые слова: космополитизм, “мягкая сила” (“*soft power*”), глобальное управление, сочетание идентификаций, конфигурация субъектностей.

3. Глобально-демократическое – доверие к национальному суверенитету сменяется доверием глобальным институтам, предотвращающим нарушения правительствами прав граждан.

Так или иначе, космополитизм становится совокупностью информационно-культурных стереотипов, включающей демократические принципы, но игнорирующей религиозные и культурно-исторические особенности развития отдельных стран.

Образ “мягкой силы” исходит из восточных учений, в частности даосизма*. “*Soft power*” рассматривается обычно как побуждение других делать то, что нужно актору, без применения прямого насилия².

Р.Кейган сравнивает американцев с европейцами: “Пути Америки и Европы расходятся по самому важному вопросу – о силе, ее эффективности, морали и желательности. Европа выказывает отвращение к силе или ...обходит ее стороной, вступая в самодостаточный мир законов, правил, международных переговоров и сотрудничества”³.

При этом следует учитывать переплетение методов “жесткой” и “мягкой силы”.

Разные индексы применяются для измерения силы, в том числе индекс “состоятельности государства”, включающий показатель “отчетливость идентификации граждан с государством”⁴. Идентификация государств включает разные приоритеты: для одних важна сила как самостоятельность в решении проблем, несмотря на давление извне; для вторых – включенность в блоки с преобладанием государств, обеспечивающих дешевые кредиты и внешнюю безопасность; для третьих – обеспечение демократии, прав человека.

Что включается в понятие “мягкая сила”?

Некоторые авторы отождествляют “soft power” с невоенными (экономическими, гуманитарными, культурными, интеллектуальными) методами. А.А.Казанцев и В.Н.Меркушев в качестве компонентов “мягкой силы” рассматривают долговременные позитивные и негативные стереотипы, элементы имиджа, бренды, репутацию страны⁵. К ним следует добавить образы, идентичности и мифы.

Такой “узкий” подход более продуктивен. Представленные компоненты “мягкой силы” неизбежно предполагают взаимодействие разных идентичностей: индивидуальных, коллективных, национально-этнических, конфессиональных, гражданских, национально-государственных, цивилизационных, космополитических – включаемых в политику в качестве средств и объектов глобального управления.

Космополитизм имеет особое значение для применения “мягкой силы” и глобального управления, так как показывает превосходство западных цивилизаций (центра), способствует расхождению обществ незападных стран (периферии), элиты которых “активно втягиваются пылесосом глобализации в так называемую Давосскую цивилизацию в качестве младших партнеров космополитического истеблишмента, претендующего на манипулирование всем мировым сообществом”⁶.

В основании многих современных американских стратегий лежат разработки Т.Парсонса, Э.Шилза, Г.Алмонда, С.Вербы, Э.Эриксона, изучавших сопровождение действий государств мерами, включающими культуру и управление идентификациями.

* “Известно всем, что слабость в споре с силой / Всегда одержит верх, возобладает мягкость / Над непреклонностью несокрушимой. / Загвоздка в том, чтоб это знание применить” *Лао Цзы*. Дао Дэ Дзин. Учение о пути и благой силе. М.: Наука, 1998. С. 138.

В частности, теория модернизации убеждала что нацизм не является западным течением, а сходен больше со сталинизмом, призывала брать пример с Запада, чтобы приблизиться к уровню США⁷.

Подобные идеи получили развитие у Г.Киссинджера в стратегии "разрядки международной напряженности", активизировавшей диссидентов в странах социализма.

Космополитизм и "мягкая сила" создавали особые трудности для консолидации обществ, испытывающих "де-

мократический транзит". Это – один из факторов, обусловивших ход "перестройки" в СССР, "бархатных" революций в Восточной Европе, что объяснялось деструкцией комплекса идентичностей, анархо-либеральной трансформацией массового сознания, когда общественность стремилась вестернизировать политические институты, быстро добиться результатов даже при неспособности общества адаптироваться к резким изменениям.

Механизм влияния космополитизма и "soft power"

Космополитизм как компонент *soft power* изменяет сочетание идентификаций граждан, оттесняя на второй план цивилизационную и национально-государственную идентификацию. Подобные сочетания космополитизма с индивидуальными, гражданскими, национально-этническими идентичностями достигались за счет внедрения "общечеловеческих ценностей" (права человека, свобода, демократия, толерантность).

Глобальное управление идентификациями использует противостояние цивилизационной идентичности и космополитизма, которое может "против воли его участников прибрести форму антагонизма между демократией и религией, демократией и местной традицией, демократией и естественным стремлением огромной части незападных ареалов мира жить согласно привычному укладу, продуманно и плавно изменяя его, но, не позволяя ему полностью разрушиться"⁸. Сопротивление космополитизму исходит от таких ценностей как религия, идеология, порядок, сплоченность, то есть ядра цивилизационной и национально-государственной идентификаций, благодаря чему государство видится как преемственное сочетание власти, ценностей и

как субъект, играющий главную роль в формировании образов лояльности, смысла консолидации. Это – основа легитимации власти и интеграции общества. Историческая память – "такая же важная граница, как и река, гора или искусственно проведенная линия"⁹.

Именно цивилизационная и национально-государственная идентификация, влияя на остальные идентичности, поддерживает самобытность национальной культуры, легитимность власти и суверенитет. Космополитизм мобилизует индивидуальные, групповые, национально-этнические идентичности, мультиплицируя их, делая множественными и взаимозависимыми (по типу "падающего домино"), ситуационным образом соотносит с государственным суверенитетом, гипертрофируя свободы индивидов в открытом для информации глобальном обществе. Космополитизм используется в коммуникационной концепции международных отношений, абсолютизирующей свободу передвижения, мультикультурализм, трансграничность, открытость общества.

Космополитизм усиливает влияние на сочетание идентификаций через расширение практики двойного гражданства, различения государства граждан-

ства и страны проживания, активности диаспор и диссидентов, предложения грантов на стажировки в США и Европе (в том числе для лидеров НПО), активизации международных НПО, “гуманитарных интервенций” и “цветных революций”.

Важную роль в социальной мифологии играет киноиндустрия.

По данным ООН, в 2001 г. голливудские фильмы занимали в прокате США 94%, Германии – 77, Англии – 74, Испании – 62%¹⁰.

Даже в списке лучших книг всех времен и народов, представленном журналом “Newsweek” в 2009 г., налицо англосаксонская имперско-универсалистская идентификация*.

Резолюция комитета по демократии ПАСЕ “Воссоединение разделенной Европы” (2009 г.), уравнивая сталинизм и нацизм, требует отказа от демонстраций во славу советского прошлого.

В июне 2000 г. ПАСЕ после доклада “Положение лесбиянок и геев в государствах – членах Совета Европы” направила в Россию рекомендации узаконить “партнерские связи” гомосексуалистов.

Общественное мнение зондируется с помощью идей и проектов либерально-космополитического содержания.

Заявляют, например, что территориальная целостность для России не является “священной коровой”; важна культурно-историческая идентичность (Л.Радзиховский); муссируется идея о конституционной монархии во главе с Майклом Кентским “при участии и давлении со стороны внешних сил”, с возможным отделением от России Северного Кавказа (С.Белковский)¹¹.

Но подобные идеи и проекты размывают цивилизационную идентификацию, открывают путь к англосаксонскому протекторату над Россией. США ведет “сетевую войну” с помощью информационных средств, о чем можно судить по документу “Стратегия национальной безопасности США” (сентябрь 2002 г.), рассчитывающему применить “soft power” в превентивной войне, использовать информационно-сетевую империю Си-Эн-Эн.

Космополитизм, в конечном счете, влияет на внутри- и внешнеполитическую субъектность различных акторов, в том числе государств. Субъектность – “способность социальных субъектов (от рядовых граждан до национальных правительств и международных акторов современной истории) реагировать на внутренние (в рамках данных обществ) и внешние (со стороны миросистемы) вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции... и содействовать желательным”¹². Она может усиливаться (ослабляться) при включенности акторов в современные конвенции и альянсы (конфигурации субъектностей), где суверенитет государства и легитимация соотносены с позициями лояльных и оппозиционных сил (“контр-сил”). Потеря ориентаций и разрушение ценностной матрицы лишает народ возможности мобилизации.

Ряд авторов правомерно считает, что суверенитет – ресурс политики, имеющий дело с комплексом транснациональных сетей соперничающих стран и регионов¹³. Но имеет под собой

* В списке из 100 книг писатели и мыслители США занимают 43 места, Британии – 33, Франции – 4; из русских – только Л. Толстой “Война и мир” и В. Набоков “Лолита”. В. Набоков к тому же считается русско-американским писателем (Сайт Newsweek. 9.07.2009/ <http://gtmarket.ru/news/culture/2009/07/09/2093>). Это характерно и прочим американским и британским спискам лучших книг мировой литературы: Нью-Йоркской публичной библиотеки, Digital Publisher of the Year 2009 и др.

основания и концепция “реального суверенитета”, которым обладает наибольшее количество стран, действительно самостоятельных в проведении внутренней и внешней политики¹⁴.

Существенно различается субъектность государств с реальным и декларативным суверенитетом при включении их в конфигурации. Это различие заметно в характере легитимации, отражающей в суверенитете взаимодействие разных идентификаций, наиболее податливой космополитизму.

Высокий уровень легитимации власти говорит о “состоятельности” государства, способности его стремиться к “реальному суверенитету”, в котором серьезную роль помимо оборонной и экономической составляющей играет доминанта национально-государственной идентификации в сочетании с цивилизационной идентификаций.

Это значит, что государственные символы, идеи влияют позитивно на идентификацию людей, причем не только своих граждан, но и за рубежом. Наоборот, усиление космополитизма ведет к сочетанию идентификаций, чреватому делегитимацией и дезинтеграцией, то есть к состоянию, когда люди дистанцируются от образа своего государства (по выражению К.Шмита, “символ бьет мимо цели и

теряет свою силу при противоположном истолковании¹⁵).

Все это сказывается на субъектности разных акторов во внутренней политике, на конфигурации субъектностей в международных отношениях.

На практике это выражает такой алгоритм: космополитизм, ослабляя легитимность власти, ведет к флуктуациям негативной направленности, превышающим допустимый для системы предел активности общественности и НПО.

Далее возможно оживление контрсил, провоцирующих экстремистские акции. Ответные силовые действия властей вызывают протест контрсил и осуждение глобальными акторами действий властей как неадекватных по “жесткости применения силы”. Контрсилы оспаривают результаты выборов с помощью данных экзит-поллов и апелляции к глобальным акторам, обесценивают легитимацию, обеспечивая приход прозападных элит к власти (Сербия, Грузия, Украина, Молдавия). Использовался даже дополнительный, не предусмотренный конституцией, третий этап выборов (Украина, 2004 г.).

Манипуляция с легитимностью серьезно влияла на состояние суверенитета и конфигураций субъектностей.

“Soft power” и конфигурации субъектностей

Как и во внутренней политике, в международных отношениях субъектность глобальных акторов вплетается в различные конфигурации.

“*Конфигурации субъектностей*” – термин, выражающий состояние взаимовлияния субъектов и сетей, в диапазоне между системностью объединения и временным блокированием политических сил. Определение политики как “ассоциации и диссоциации сил” (К.Шмитт) помогает представить такие

конфигурации. “Фактическое воздействие глобализации глубоко трансформирует национальные государства, их функции и власть перекраиваются и вновь встраиваются в комплекс транснациональных, региональных и локальных сетей”¹³.

Ранее в блоках и союзах доминировало взаимовлияние суверенитетов государств, опирающихся на военную, демографическую, экономическую мощь. К середине XX в., помимо государств,

усилилось влияние других акторов, что способствовало развитию методов “мягкой силы”.

В связи с этим выделяются разные составляющие (состояния) суверенитета: международно-правовой, вестфальский, внутренний, суверенитет взаимозависимости. Каждая из составляющих имеет собственную логику власти, легитимности, контроля, может вызывать как взаимное усиление, так и ослабление этих компонентов¹⁶. Возросшую взаимозависимость этих составляющих отражает переменная “суверенитет взаимодействует” (субъектность, формирующаяся в конфигурации).

Подобные изменения в трактовке суверенитета соответствуют логике усиления НПО во внутренней политике и одновременно движения к универсальному глобальному обществу с его “арочной конструкцией законов и власти, набором космополитических институций, отделяющими легитимную политическую власть от традиционно фиксированных территорий”¹⁷.

“Мягкая сила” способствует стиранию грани между внешней и внутренней политикой, что изменяет динамику конфигураций субъектностей во внутриполитических и международных отношениях. При этом субъектность акторов все меньше отягощается четкими обязательствами и ответственностью, зато инкорпорирует “естественные” права индивидов и народов в субъектность государств. Это осложняет положение национально-государственных (патриотических) элит, стремящихся поддерживать суверенитет государства.

Подобные сдвиги в конфигурациях субъектностей, несмотря на демократические цели, не привели к усилению авторитета международного права и ООН. Скорее, наоборот, что объясняется взаимозависимыми трендами.

“Мягкая сила” стирает разделение между внешней и внутренней полити-

кой, что ослабило контроль над потенциалом экстремистских сил и, как реакция, актуализировало новейший аспект борьбы с терроризмом, стимулирующий не демократический, а имперско-универсалистский характер конфигураций субъектностей и глобального управления. Согласно международно-правовой теории континуитета, правосубъектность государства является идентичной и непрерывной, независимо от любых внутренних изменений, при условии сохранения той же территории и того же населения, и эта идентичность неразрывно связана с непрерывным действием международных договоров для данного государства. Распад же СССР, Чехословакии и Югославии, усиление международного терроризма привели к увеличению числа государств со “слабым” и “неопределенным” весом внешнеполитической субъектности.

Легитимация ООН ослаблялась и тем, что из 60 структур, формально связанных с ООН, некоторые, прежде всего, ВТО, МВФ, Всемирный банк, включились в конфигурации, осуществляющие глобальное управление в обход ООН.

В таких условиях этническая идентификация вела к росту территориальных образований с маргинальной идентичностью, претендующих на самостоятельную субъектность или ищущих “покровителя” (почти 200 квазисубъектов).

Образовавшиеся конфигурации субъектностей государств, НПО, других организаций и территорий обусловили возможность совершения гуманитарных интервенций в Югославии и Ираке без санкций ООН, затем нарушения Резолюции ООН № 1244 от 10 июня 1999 г. и признания независимости Косова.

Режим Милошевича, не вписывающийся в конфигурации субъектностей по логике США, был устранен. Затем

совершилась интервенция в Ираке. В 80-е – 90-е годы имперско-универсалист-

ская идентификация США девальвировала авторитет ООН.

Учет в политике действия космополитизма

Для России политика США и НАТО несет угрозы идентификационной изоляции, особенно в Европе, на Кавказе, Ближнем Востоке, затрудняет включение в конфигурации субъектностей, повышающие российское влияние. Но эти конфигурации подвижны и изменчивы, что стремится использовать Россия. Неудачи в Ираке и Афганистане, мировой кризис 2008–2009 гг. снизил имперско-универсалистский градус военных устремлений США, несколько повысив авторитет ООН.

Белый дом будет усиливать применение “мягкой силы”, тем более нагрузка на вооруженные силы США находится на пределе возможностей. США и НАТО поддерживают контрсилы прозападного и даже фундаменталистского характера, поощряют Грузию, Польшу, Румынию, Турцию, страны Балтии на создание региональных конфигураций, сковывающих субъектность России.

В решении таких проблем США опирается на сетевые ресурсы глобального управления, МВФ, ОБСЕ, Совет Европы, НАТО, космополитические (“глобальные”) города (Нью-Йорк, Лондон, Токио) как центры принятия финансовых решений.

При росте затрат на международные трансакции и легитимацию таких конфигураций применяются модификации использования космополитизма и “мягкой силы”, например, в регионализации конфигураций субъектностей. К этому подталкивает взаимодействие глобализации и локализации, глобализма и национализма.

Ряд государств, стремясь пройти между “Сциллой” подчинения сильным глобальным акторам и “Харибдой”

изоляции при отстаивании суверенитета, примеряют свою идентификацию к различным союзам, блокам, соглашениям. Идентифицируя “друзей” и “врагов”, они расширяют “открытость” или усиливают “закрытость”. Доминирующие глобальные акторы используют регионализацию, чтобы проводить свою гегемонию с учетом национализма.

Интересна политика Румынии, не признающей молдавской государственности. В свободном порядке молодежь из Молдавии получает румынское гражданство. Идентификация молдаван противоречива: 70% опрошенных – за вступление в ЕС и столько же – за улучшение отношений с Россией. Приднестровье идентифицирует себя с Россией, а Гагаузия – с суверенной Молдавией. Многое зависит от позиций США, НАТО, ЕС, России, Украины, молдавских элит.

Румыния как член НАТО и ЕС превращается в актора, усиливающего влияние альянса в регионе, подрывая молдавскую национально-государственную идентификацию. Поглощение Молдавии укрепит позиции Румынии, США и НАТО на Дунае, Черном море, Балканах и, соответственно, ослабит Россию и СНГ.

Космополитический компонент “мягкой силы” особенно функционален в условиях транзитных обществ. Он не только маскирует истинные материальные интересы и военные приготовления, но и способствует подрыву цивилизационной идентификации, делению культур на “сильные” (не управляемые извне) и “слабые” (управляемые извне). Первые консолидированы, не допускают усиления космополитических контрсил, интегрируют граждан, этносы, территории. Вторые допускают активизацию космополитических контрсил и деконсолидацию общества.

Глобальное управление может не вести к распаду или поглощению государств; в XXI в. достаточно в “непокорных” государствах формировать “слабые” культуры, теряющие однородность, а, значит, способность к интеграции общества.

“Основной тип конкуренции и борьбы в глобализованном мире сегодня связан с ведением войн за изменение и преобразование идентичности. Смена идентичности не требует захвата территорий. Люди сами добровольно переходят под знамена другой цивилизации”¹⁸.

В результате создаются своеобразные “контейнерные общества”.

“Слабым” культурам соответствуют “общества-контейнеры”, отдающие “съемные модули”, нужные обществам с “сильной” культурой. Центры глобального управления формируют механизмы “мягкой силы” и инфраструктуры, заставляющие “добровольно” отдавать “съемные модули”, то есть одаренную молодежь, молодых женщин (для семей и сектора сексуальных услуг), компетентных, но не дорогих ученых (и научные школы) с ценными разработками, финансы, производства, энергоресурсы, сырье, экологичные территории. Это все необходимо для западных обществ потребления и их постиндустриальных сегментов. Используя эти модули, Запад предполагает их возврат, как возвращают трудовых мигрантов, отработанное ядерное топливо, векселя.

Черты “сильных культур” и “забирающего контейнерного общества” уже проявились у США, Канады, Авст-

ралии, некоторых стран ЕС, а на Востоке – у Японии, КНР, Южной Кореи.

Для таких акторов Россия, оставаясь мощной в военном отношении, рассматривается как объект воздействия “мягкой силы”. Глобальное управление идентификациями ведет к сочетанию, обуславливающему формирование “отдающего контейнерного общества”. В такой перспективе Россия будет вытесняться из конфигураций субъектностей, способных поддержать ее суверенитет и дееспособность, чтобы она обслуживала “забирающие контейнерные общества”^{*}.

В конце 80-х – 90-х годов власть продемонстрировала готовность ради “похожести” на Запад (“возвращение в Европу”, синдром “блудного сына”) жертвовать самобытностью России. Это не принесло ожидаемых дивидендов, и Россия низводилась на роль актора периферийных конфигураций маргинализированных субъектностей.

В 2000-е годы руководство государства признало, что против России ведется война и необходимо опираться на базовые морально-нравственные ценности, выработанные Россией в своей истории (мюнхенская речь В.В.Путина, Послания Президента РФ Федеральному Собранию 2007 и 2008 гг.). Роль сильного государства как традиционной для России и СНГ ценности повышается, сдерживая распространение космополитизма. Тем более у России еще нет сильных глобальных ТНК и идеологии, корректирующей глобальное управление.

* Золотовалютные резервы России размещены в государственных ценных бумагах США.

Китай использует долларовые резервы для заключения долгосрочных контрактов, инвестиций в недвижимость и другие объекты по всему миру. Российские резервы, поддерживая экономику США, косвенно способствовали финансированию войны в Ираке, агрессии Грузии в Южной Осетии, “мягкой силы” США.

Это – пример “модульного” использования ресурсов России вопреки ее национальным интересам.

Сильное государство, патриотичные национальные лидеры и элиты, государственническая идеология становятся востребованными ценностями. России необходимо учитывать в своей образовательной и медийной политике, что “символы должны повторяться, включаться в учебные материалы и предохраняться от забвения”, что “национальная идентичность должна быть защищена от нападков, особенно, если эта идентичность является обоснованием государства”⁹.

Такие ценности должны включаться в понятие “суверенной демократии”.

Ряд экспертов считает преждевременными прогнозы о снижении роли государств в формировании конфигураций субъектностей (В.Г.Хорос, Э.Хобсбаум, Р.Кадрль, А.Мартинелли).

Благоприятная конъюнктура на рынке энергоносителей, относительная внутривосточная стабильность помогли восстанавливать образ России как одного из центров силы в полноценных конфигурациях субъектностей, фактора сдерживания гегемонии США и амбиций сателлитов “дяди Сэма”.

Однако успешное развитие международных отношений обеспечивается не только ценой на нефть, новым оружием, но и способностью государств в возрастающей степени обеспечить наступательную цивилизационную идентификацию. Другими словами, влиять на управление идентификациями, глобальными и региональными конфигурациями субъектностей.

Россия предостит помимо укрепления экономики, финансовой системы, экологии, обороны позаботиться о со-

хранении русской культуры, культуры других ее народов, укрепить свою цивилизационную (“*русский мир*”) и национально-государственную идентификацию (“*мы – россияне*”), разработать и усвоить авторитетную государственническую идеологию.

Некоторые страны ведут поиск сбалансированных конфигураций субъектностей*. В противодействии космополитической и национально-государственной идентификаций важную роль играют конфигурации, ставшие аренами коммуникации – структуры ООН, ЕС, Совета Европы, ОБСЕ, НАТО, а также мощные СМИ. В ОБСЕ, ПАССЕ и НАТО заметен сильный крен в сторону космополитизма и вестернизации.

России поэтому необходимо расширять участие в СНГ, ШОС, ЕвразЭС, ОДКБ, БРИК, Лиге арабских государств, Африканском союзе, ОИК.

Для нас ценен опыт стран, бережно относящихся к национально-государственной и цивилизационной идентификации (КНР, Индия, Иран, Япония, Малайзия, Турция). Россия может эффективно использовать связи с ними как региональный евразийский лидер, не ослабляя позиции в других конфигурациях субъектностей. Полезен и опыт участия в конфигурациях со США, странами ЕС, Латинской Америки.

Необходимо активно формировать выгодные для России и привлекательные для партнеров конфигурации субъектностей, чтобы избежать изоляции, нейтрализовать “мягкую силу” США, НАТО, ЕС, консолидировать Россию на основе базовых ценностей. Восстановление уважения к народу

* Например, формат Мирового экономического форума 12.06.2009 г., где к руководителям экономических ведомств “восьмерки” (G-8) присоединились представители группы “Пять плюс один” (Бразилия, Китай, Индия, ЮАР, Мексика и Египет), Ливия (председатель Африканского Союза), члены объединения НЕПАД (Новое партнерство в интересах развития Африки). Предстоит переход от формата G-8 к формату G-20.

России, русскому языку и русской культуре важно для укрепления образа сильного, но миролюбивого, чуткого к проявлениям несправедливости госу-

дарства с богатым опытом международного сотрудничества и консолидации культур в единой российской нации, обретения “мягкой силы”.

Примечания

- ¹ Формирование образа России в современном мире: социокультурные механизмы // *Мировая экономика и международные отношения*. 2007. № 12; *Цыганков А.П.* Национальная идентичность и политико-экономическая стратегия в постсоветском пространстве (о новых исследовательских подходах в международных отношениях) // *Вопросы философии*. 2002. № 8; *Cosmopolitanism, identity and authenticity in the Middle East / Ed. by R. Meijer*. Richmond: Curzon, 1999.
- ² *Най Дж.* Soft power, или “мягкая сила” государства // *Альманах Восток* // URL: http://www.situation.ru/app/j_art_1165.htm
- ³ *Кейган Р.* Сила и слабость // *Pro et Contra*. Т. 7. № 4. С. 127–128.
- ⁴ *Linz J., Stepan A.* Problems of Democratic Transition and Democratization. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe. Baltimore, L., 1996.
- ⁵ *Казанцев А.А., Меркушев В.Н.* Россия и постсоветское пространство: перспективы использования “мягкой силы” // *Полис*. 2008. № 2. С. 1.
- ⁶ *Хорос В.Г.* От глобализации нельзя отгородиться // *Глобализм и цивилизационная идентичность России*. Материалы постоянно действующего научного семинара. Вып. 2 (11). М.: Научный эксперт, 2008. С. 36.
- ⁷ *Калхун К.* Теории модернизации и глобализации: кто и зачем их придумал // *Русские чтения*. Вып. 3. Январь – июнь 2006. М.: Институт общественного проектирования, 2006. С. 14–15.
- ⁸ *Торкунов А.* Российская модель демократии и современное глобальное управление // *Международные процессы: электронный журнал*. Т. 7. № 1 (19). Январь-апрель 2009. URL: <http://www.intertrends.ru/tenth /002.htm>
- ⁹ *Прайс М.* Телевидение, телекоммуникации и переходный период: право, общество и национальная идентичность. М.: МГУ, 2000. URL: <http://www.medialaw.ru/publications /books/mp/index.html>
- ¹⁰ Цит. по: *Ташдыкова Н.Ю.* Проблемы культурной интеграции // *Национальная идентичность России и демографический кризис*. М.: Научный эксперт, 2008. С. 407.
- ¹¹ НГ-Сценарии. 2001. 11 апр.; *Белковский С.* Жизнь после России // *Завтра*. 2009. № 30–32; *Кургинян С.* Кризис и другие // *Завтра*. 2009. № 32.
- ¹² *Ядов В.А.* А все же Россию умом понять можно // *Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова*. М.: Канон-пресс-Ц, 2001. С.11.
- ¹³ *Мартинелли А.* От мировой системы к мировому сообществу? // *СОЦИС*. 2009. № 1. С. 13; *Keohane R.O.* Power and Governance in a Partially Globalized World. London: Routledge, 2002.
- ¹⁴ *Кокوشин А.А.* Реальный суверенитет в современной политической системе. 3-е изд., расш. и доп. М., 2006. С. 63.
- ¹⁵ *Шмитт К.* Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса. СПб: Владимир Даль, 2006. С. 229.
- ¹⁶ *Krasner S.D.* Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton, N.Y.: Princeton University Press, 1999.
- ¹⁷ *Held D.* Law of States, Law of People. Three Models of Sovereignty // *Legal Studies*. 2002. Vol. 44. N 1. P. 67.
- ¹⁸ *Громыко Ю.В.* Антропология политической идентичности. Самоопределение “рашинз” в глобальном мире. Территориальное развитие, транснациональные русские корпорации и идентичность Russians. М.: АРКТИ, 2006. С. 49.